

Россия как центр формирования евразийской ВКО

В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной¹

*В. Путин,
Президент России*

Логика развития глобальных процессов в современном мире ставит на повестку дня вопрос о необходимости объединения усилий стран, противостоящих экспансии Запада и создания ими системы военно-политических союзов²

М. Маринов

Укрепление военно-политического союза, во главе которого стоят США, как и глобальное распространение ответственности такого союза, в т.ч. на всю Евразию, — очевидный факт. Судя по имеющейся информации, этот процесс будет развиваться и в будущем, втягивая в свою орбиту новые государства. Так как в Европе таковых фактически не осталось, то можно допустить, что ими будут развитые страны Евразии и АТР. Собственно это и рассматривается США в качестве основной гарантии безопасности в Евразии.

В этой связи возникает вопрос, какой союз может быть создан и кто станет ядром такого союза в Евразии? Это, теоретически, может быть Индия, но она слишком втянута в интересы США и Великобритании. Это может быть Китай, но он ориентирован на модель национально-цивилизационного развития, предполагающую не союзы, а сотрудничество. Остается только Россия, которая не только территориально, но и исторически играла роль ядра Евразии.

Рассуждения о глобализации и универсализации не должны вводить в заблуждение: России никуда не деться в новых

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / Президент РФ/news.17118

² Маринов М. Российско-китайская ось евразийства / Эл. ресурс «Евразия», 2012. 27 июля / <http://evrazia.org>

геополитических условиях ни от политического, ни от идеологического лидерства. Так, как было всегда в ее истории. И что, кстати, не раз спасало мир и Европу от агрессии — степных захватчиков, крестоносцев, французской и немецкой экспансии.

Видимо, России предстоит вновь выполнять свою роль евразийского защитительного ядра. Об этом сегодня достаточно много говорят. И не только в России, что встречает, естественно, очень резкую реакцию — как положительную, так и отрицательную. Например, М. Маринов полагает, что «Процесс, связывающий социально-историческую среду с географической обстановкой, есть процесс двусторонний. Евразийское месторазвитие, на основе которого сформировалась евразийская цивилизация, включает Восточно-Европейскую, Западно-Сибирскую и Туркестанскую равнины вместе с возвышенностями, отделяющими друг от друга (Уральские горы и так называемый Арало-Иртышский водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказ, Малой Азии), и представляет собой особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и к югу от него.

Таким образом, внешние контуры Евразии в основном совпадают с границами „Великой степи“, протянувшейся от Паннонии до Маньчжурии, где Россия занимает основное пространство земель Евразии. На этом громадном пространстве, на особом евразийском материке формировалась особая русская культура, в которую органически вплетены элементы нескольких культурных традиций: византийской, оказавшей наибольшее воздействие на русскую культуру в X–XII веках; „степной“, оставившей глубокий след в истории России, особенно в XIII–XV веках; и наконец, европейской, пик влияния которой приходится на XVIII век и которое длится по настоящее время»¹.

¹ Маринов М.
Российско-китайская
ось евразийства /
Эл. ресурс «Евразия».
2012. 27 июля /
<http://evrazia.org>

Именно православно-славянская идентичность лежала в основе удивительных способностей нашей нации побеждать более сильного противника. И сегодня наша страна должна предложить Евразии не только энергоресурсы, производства и мощности отечественного ОПК, но и привлекательную евразийскую идею, и модель интеграции в области безопасности. Практической моделью такой ценностной, интеллектуальной и военной интеграции может стать создание объединенной системы ВКО Евразии. Так же, как в середине первого тысячелетия военные союзы славян, которые успешно противостояли натиску Византийской империи.

Понятно, что такое предложение во внутривнутриполитическом плане встретит серьезное сопротивление самых разных элит и потребует проявления политической воли в выборе пути развития. Собственно в России, СНГ, да и других государствах, не входящих в систему ценностей НАТО и военно-политическую систему безопасности.

Надо признать, что в России и СНГ существуют нередко противостоящие друг другу элиты, которые ориентированы на разные способы решения проблемы евразийской безопасности — либо ориентированные на вхождение и фактическую ассимиляцию в западную систему ценностей и безопасности, либо на укрепление и создание собственной, национальной. История в очередной раз повторяется.

Иногда этот выбор приобретает характер отношения к России и русским. Причем не только у неславянских народов, но, как ни странно, и у славян. Русофобство становится идеологическим обоснованием политического выбора. И наоборот. При этом очень быстро местные элиты стирают историческую

Евразийская воздушно-космическая оборона

память у своих народов, что в конечном счете становится идеологической и политической основой «равноудаленности» и «разновекторности». Как точно заметил армянский экономист В. Авагян, «Не знаю, как украинец, но любой нормальный армянин с молоком матери получает простую мысль: сперва думай о России, а уже потом о себе. И это не какие-то тонкие материи, а простой расчет: не станет России — пыли не останется и от Армении, и от армянства. Слова «Россия» и «Жизнь» на протяжении многих веков нашей истории были для нас синонимами. Можно сказать — «живем», а можно сказать — «есть Великая Россия» безо всякого ущерба для смысла...

Верность России — не только священный долг евразийских народов, но и банальное условие их выживания¹.

Противоборство различных групп национальных элит, борьба между русофилами и русофобами в международной жизни проявляется в таком популярном в Евразии политическом явлении как «многовекторность». В ее основе лежит также и экономический прагматизм, стремление воспользоваться ресурсами других государств, что, в конечном счете приводит к недальновидной внешней политике, военно-политической неопределенности и неизбежно наносит ущерб суверенитету и национальной безопасности. Ярким примером экономического ущерба такой политики для постсоветских государств является Украина, чей ОПК, по оценке представителя Минобороны А. Артющенко, «загружен военными заказами всего на три–четыре процента»², что заставляет его работать исключительно на экспорт.

Борьба этих групп национальных элит сегодня в России, например, четко прослеживается во влиянии как на выбор политического курса, так и в отношении к ВКО и ЕвроПРО. Более того, практически по всем вопросам, где затрагивается суверенитет и национальная идентичность, — от отношения к РПЦ, истории страны до отношения к пресловутой группе

¹ Вазген А.
Верность России — не только священный долг евразийских народов, но и банальное условие их выживания / Эл. ресурс «Военное обозрение», 2013. 7 февраля / <http://topwar.ru>

² Фланговый удар по российскому ОПК / Эл. ресурс «Военное обозрение», 2013. 5 марта / <http://topwar.ru>

«Пусси райот», или возможности экспортировать собственных детей за границу. Таким образом политический выбор вектора развития предопределяется идеологическим и ценностным выбором.

В сложившейся ситуации для местных элит нередко оказывается выгодной позиция, нацеленная на сохранение неопределенного внешнеполитического статус-кво любыми усилиями. Даже если такая неопределенность фиксируется в документах как достижение «национальной многовекторной» политики. Отказ от неопределенности требует изменений во внешнеполитическом курсе, что дается с трудом. Примечательно, что ни страны СНГ, ни ОДКБ не выразили внятной политической поддержки России, в ходе грузино-осетинского конфликта 2008 года, что невозможно даже представить в отношении стран-членов НАТО. Этот отказ — надо признать честно и, может быть, не очень дипломатично — чаще всего продиктован желанием элит сохранить сложившуюся систему сдержек и противовесов, придерживаясь максимально бесконфликтного курса с возможностью при случае переметнуться под крыло НАТО. Проблема, для них, однако, заключается в том, что вступление в блок не вызывает никакой заинтересованности у контрагентов.

Вместе с тем стремительно теряется время на создание системы ВКО, которое сжато до ближнесрочного периода в несколько лет. Адекватная схема военно-технического сотрудничества в области ВКО должна предусматривать большой комплекс мероприятий, а не просто закупку ВВТ: строительство сети базирования вооруженных сил, подготовку кадров и т.д., что является долгосрочным проектом. Это — общее правило, — тем более справедливо для систем ВКО, ввод которых в эксплуатацию может занимать десятилетия. Предельно важно поэтому донести до национальных лидеров критичность этой ситуации — «сейчас или никогда», — поскольку позднее

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

вступление какого-либо государства, региона в оборонительный союз приведет лишь к бессмысленному росту расходов без получения каких-либо ощутимых выгод как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Рост политической конфликтности и противостояния систем ценностей в Евразии стремительно ускоряется ростом неопределенностей в развитии военных технологий и военного искусства (новых способов использования этих возможностей). Это в полной мере и прежде всего относится к области ВКО, где усиливается историческое соперничество между наступательными и оборонительными системами ВВТ. Уже сегодня ученые спорят и пытаются прогнозировать не только новые политические и экономические конфликты, но и их будущие формы, вытекающие из революционных изменений в гражданских и военных технологиях. Для евразийских государств, не объединенных в военно-политический союз, категорически невозможно будет в одиночку противостоять этим вызовам.

Пока уже ясно, что:

- происходит новый этап военно-технической революции, который закончится в 2020-е годы полной сменой ВВТ, ставшими устаревшими и неэффективными;
- радикально, революционно меняются все области военного искусства, делая устаревшими все прежние представления о ведении военных действий;
- выдержать в этой технологической гонке можно только опираясь на опережающее развитие национального человеческого капитала (НЧК), фундаментальной науки, НИОКР, образования, производственных информационных технологий;
- решающим качеством в таком соревновании окажется такое качество человеческого потенциала, как эффективность в области государственного, национального и обще-

ственного управления, создании и развитии институтов реализации НЧК;

- критически важным будет развитие творческих социальных групп людей, получивших название «креативного класса», которые сегодня создают основную долю ВВП.

Естественно, что в более частной, военной области эти закономерности будут проявляться по-разному. Так, сотрудник Центра военно-политических исследований МГИМО(У) В. Каберник, например, делает следующие выводы:

1. Широкое распространение технологий двойного назначения приводит к сглаживанию технологического отрыва в военной сфере развитых государств от государств «второго эшелона».
2. Высокотехнологичные системы и компоненты непрерывно дешевеют и уже в среднесрочной перспективе будут доступны заинтересованным акторам, как минимум, в варианте кустарных аналогов продвинутых боевых систем со сравнимыми характеристиками.
3. Стоимость комплексных НИОКР в военной сфере непрерывно растет, что является элементом стратегии удержания военно-технического превосходства. В то же время ряд таких проектов оказывается чрезвычайно дорогостоящим для внедрения даже в развитых государствах¹.
4. Целый спектр таких сверхдорогостоящих НИОКР является по своей сути «защитным», не столько нацеленным на внедрение, сколько предназначенным для создания непреодолимого научно-технологического отрыва.

Очевидно, что развитие этих технологических тенденций не может не внести своего дестабилизирующего элемента в конфронтацию систем ценностей и военно-политической безопасности в Евразии в сторону усиления их неопределенности. Так, сказанное выше означает, например, что создание эффективной ВКО евразийской территории возможно только

¹ Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего 2012. 3 октября / Эл. ресурс <http://eurasian-oborona.ru>

Евразийская воздушно-космическая оборона

совместными усилиями нескольких или даже многих государств. Пока что единственные российские войска ВКО сформированы в 2009–2012 годах на базе Московского округа ПВО. В декабре 2011 года было создано Командование ВКО, а в декабре 2012 года — принято решение о создании Единой системы Командования ВКО, куда включаются системы ПВО Белоруссии и Казахстана, а, возможно, и Армении. Сегодня таким образом для этого уже существует организационная и политическая основа, на которой может развиваться ВКО Евразии.

В данный момент ВКО контролирует воздушное пространство над центральным промышленным районом России и отвечает за противовоздушную оборону Москвы. Войска прикрывают в общей сложности свыше 140 объектов государственного управления, промышленности и энергетики, транспортных коммуникаций, а также атомные электростанции. Это — та реальность, которая существует сегодня. Она отражает современные, но не будущие реалии¹.

В будущем можно ожидать, что развитие системы ВКО произойдет не только на территории России, но и стран-участниц ОДКБ, а, может быть, и других государств Евразии, которые либо самостоятельно ведут работы в области ПРО и ПВО (как Китай, Индия, Иран и другие страны), либо приобретают эти системы в рамках ВТС с США, Россией, Францией и Израилем. Надо понимать, что создание ВКО Евразии потребует производства значительного числа ВВТ, в частности, ЗРК С-400 и С-500, а также высокоскоростных ракет-перехватчиков и ЗРК малой и средней дальности.

Если будет политическое решение, то создание ЕвразВКО это всего лишь экономическая задача, которую способна решить наша промышленность в течение нескольких лет. Как, впрочем, и создание других оборонительных систем — космического, морского, наземного базирования. Ничего технически не решаемого в перспективе в этой задаче нет. Может быть толь-

¹ Путин подчеркнул важность сил Воздушно-космической обороны для России. 26 июля 2012 г. / URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/07/26/category/tegi/vladimir-putin/putin-podcheknul-vazhnost-sil-vozdushno-kosmichesk>

ко создание системы ПРО–ПВО против КР и других систем ВТО для всей территории страны и союзников, которая, впрочем также не представляется неразрешимой. Многие технические задачи успешно решены уже на современном этапе, другие — решаются, а главной целью сегодня является налаживание производства и создание эффективных технологических цепочек, утраченных с распадом СССР, формирование системы сотрудничества с другими государствами Европы и Азии.

Уже сегодня накоплен определенный опыт. Так, на учениях «Чистое небо–2012» и «Нерушимое братство–2012» отработывались вопросы взаимодействия государств-участников ОДКБ «по отражению массированных ракетно-авиационных ударов условного противника».

Самолет ДРЛО А-50 российских ВВС на учениях Чистое Небо-2012

Таким образом, ЕвразВКО может быть использована как защита против внешних — политических и военных — угроз, актуальность которых после событий в Югославии, Ираке, Ливии и других странах уже не ставится под сомнение, так и против попыток дестабилизировать ситуацию, как это происходило в 2012 году в Ливии и Сирии, которые опирались бы на внешнюю информационную и авиационную поддержку.

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

Не случайно в Ливии решение о бесполетной зоне (no-flight zone) фактически означало применение высокоточных вооружений и средств РЭБ по сути дела по беззащитным центрам политического и военного управления. Даже руководитель страны М. Каддафи был обнаружен и ликвидирован с их помощью. Пример для евразийских государств очень нагляден.

Пока что трудно прогнозировать, для какого района или государства Евразии угроза «сетевидной войны» и воздушно-космического нападения станет актуальной, но общая тенденция развития ВВТ такова, что акцент в военном строительстве и военном искусстве все более переносится на информационные средства и средства ВТО воздушно-космического нападения, а сухопутные силы по сути превращаются в полицейские или оккупационные формирования. Это особенно актуально для тех государств Евразии, которые не имеют выхода к морю, а сухопутные операции трудноосуществимы в силу географических, климатических и иных условий. Таких, например, как Афганистан.

По существу сегодня мы наблюдаем устойчивую тенденцию переноса боевых действий в воздушно-космическое пространство, где интеграция наступательных, оборонительных и информационных систем позволяет по-новому подойти к проблеме использования военной силы в международных отношениях. Это — очень важный новый геополитический аспект.

На этом фоне важным становится развертывание группировок ПРО и ПВО на потенциальных ТВД. Нападающая сторона, используя ВТО, должна гарантировать свои ударные авианосные группировки и морские платформы от возможной ответной реакции. Не случайно общей тенденцией в политике США становится развертывание морских ПРО в отдельных регионах, либо создание таких возможностей совместно с союзниками. Это видно особенно отчетливо на фоне целенаправленной и очень активной деятельности США

Батарея ЗРК Patriot PAC-3, имеющих возможности выполнения функций ПРО

в области ПРО, которые выделили только на развитие систем ПРО на 2013 ф.г. 7750 млрд долл. Агентству по противоракетной обороне страны¹. Всего же за 1985–2012 годы на эти цели уже истрачено 149,5 млрд долл.². Это примерно вдвое больше ежегодных оборонных расходов России. А если допустить, что почти все эти средства шли на НИОКР, то в 20 раз больше. Возникает вопрос: почему вкладываются такие огромные средства? Кто угрожает США? Хорошо бы, чтобы российские противники военных расходов аргументированно ответили на эти вопросы.

В этой связи утверждения некоторых российских экспертов, которые рассматривают эти траты и угрозы в качестве «пропагандистских мифов», а тем более, как «некомпетентные», «алармистские» и т. д.,³ очень напоминают их позицию в 80-х годах прошлого века, которая в конечном счете привела к развалу ОВД и СССР, деградации ОПК и фактической остановке перспективных НИОКР в области ВКО. Особенно, если учесть, что расходы на ВКО США и НАТО за эти годы выросли в 6 раз.

¹ US Department of Defense Missile Defense Agency (MDA). Fiscal Year 2013 Budget Outline / <http://www.mda.mil/global/documents/pdf/>

² US Department of Defense, Missile Defense Agency, Historical Funding for MDA FY 85-12, млрд долл. США. Fiscal Year 2013 Budget Outline / <http://www.mda.mil/global/documents/pdf/histfunds.pdf>

³ Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях / РСМД. 2012. № 5. С. 62.

Евразийская воздушно-космическая оборона

Из таблицы видно, что в некоторые финансовые годы происходило снижение и даже падение роста расходов, но в целом они практически всегда обеспечивали выполнение планов НИОКР, а усилия в этой области были вполне последовательными.

История финансирования Агентства по ПРО*

Fiscal Year (FY) \$ in Billions

	FY 85	FY 86	FY 87	FY 88	FY 89	FY 90	FY 91	FY 92	FY 93	FY 94	FY 95	FY 96	FY 97	FY 98	FY 99	FY 00	FY 01	FY 02	FY 03	FY 04	FY 05	FY 06	FY 07	FY 08	FY 09	FY 10	FY 11	FY 12
President's Request	1.8	3.7	4.8	5.2	4.5	4.6	4.5	5.2	5.4	3.8	3.2	2.9	2.8	2.6	3.6	3.3	4.5	8.3	6.7	7.7	9.2	7.8	9.3	8.9	9.3	7.8	8.4	8.6
House Authorization	1.4	2.5	2.9	3.1	3.5	3.1	2.3	3.5	4.3	2.7	2.8	3.5	3.5	3.8	3.7	3.7	5.2	7.9	6.9	7.8	8.9	7.9	9.1	8.3	8.6	7.8	8.6	8.9
Senate Authorization	1.6	3.0	3.9	4.5	4.5	4.5	3.6	4.6	4.3	2.8	2.8	3.4	3.7	3.6	3.5	3.7	4.7	5.8	5.9	8.2	9.0	7.8	9.4	8.6	8.9	7.8	8.6	8.4
House Appropriations	1.1	2.5	3.1	3.1	3.2	3.1	2.3	3.5	4.3	2.8	2.8	3.5	3.5	3.7	3.4	3.6	4.6	7.9	7.4	7.5	8.7	7.6	8.9	8.6	8.4	7.8	8.6	8.6
Senate Appropriations	1.6	3.0	3.4	3.6	3.1	4.3	3.6	4.6	3.8	2.8	2.8	3.4	3.7	3.6	3.4	3.9	4.8	6.3	6.2	8.2	9.2	7.9	9.4	8.7	9.0	7.8	8.4	8.4
Authorization Passed	1.6	2.8	3.2	3.6	3.7	3.6	2.9	4.1	4.1	2.8	2.8	3.5	3.7	3.7	3.5	3.7	4.8	8.4	6.6	7.7	8.9	7.8	9.3	8.5	8.9	7.8		8.5
Appropriation Passed	1.4	2.8	3.2	3.6	3.7	4.0	2.9	4.1	3.8	2.8	2.8	3.4	3.7	3.8	3.5	3.6	4.8	7.8	7.4	7.7	9.0	7.8	9.4	8.7	9.0	7.9	8.5	8.4

* Historical Funding levels are for SDIO, BMDO, and MDA

Критикам оборонных НИОКР в области ВКО в России следовало бы ответить, что за те же годы такие программы в нашей стране были радикально сокращены, либо вообще свернуты. Исчезли целые научные школы, КБ, а предприятия приватизированы и перепрофилированы. Сегодня трудно сказать точно, как сказалось хроническое недофинансирование на возможностях ОПК, — оценки от «деградации» до «разрухи». Важно, однако, отметить, что часть потенциала удалось сохранить и,

как показывает опыт ОАО «Государственного Обуховского завода» ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» — в короткие сроки даже вывести на прибыль.

Важно отметить, что создание мощной евразийской ВКО с военно-технической точки зрения возможно при выполнении всего лишь нескольких условий. Необходимо:

- вернуться к практике создания передовых отечественных технологий, которая делала внешние заимствования исключением;
- полное финансирование гособоронзаказа;
- вернуть активы ОПК;
- главное, воспитать новое поколение кадров, без которого невозможно реализовать никакие планы.

Понятно, что основой евразийской ВКО в ближайшие годы может быть только российская система, хотя уже сегодня некоторые европейские и азиатские страны — Польша, Франция и Германия, с одной стороны, Индия, Япония и Китай — с другой, обсуждают вопрос о создании собственной системы ВКО. В настоящее время эффективная система ВКО предполагает наличие десятков головных КБ и предприятий, которые кооперируются с сотнями других предприятий и КБ разного уровня. Важно только, чтобы процесс выздоровления ОПК России не затянулся, чтобы решения принимались своевременно и точно. А это уже проблема качества управления, которое во многом зависит от правительства и Минобороны.

Фактическое интегрирование стратегических наступательных и оборонительных вооружений в единый комплекс, с одной стороны, и превращение неядерных вооружений в стратегические, объединение в этот комплекс космических и информационных систем возможно только на базе ОПК двух стран — США и России, — да и то (как в случае с Японией и странами Евросоюза) при кооперации с другими странами.

Евразийская воздушно-космическая оборона

Ни одна страна не может сделать этого в одиночку. Так, например, внешнеполитическое ведомство США выступало за принятие японским правительством «стратегического решения» в отношении поставок совместно разработанного с США блока «2-Эй» (2A) корабельной противоракеты «Standard SM3», что «позволило бы связать отдельные региональные части ПРО в глобальную систему». Кроме того, власти США и Японии договорились о размещении еще одного американского радара раннего оповещения о пусках ракет, действующего в сантиметровом диапазоне в дополнение к уже действующей РЛС в префектуре Аомори¹.

Нужна широкая международная кооперация. В данном случае евразийская. Не избежать обсуждения этой проблемы и евразийским государствам, в частности, Вьетнаму, Мьянме, Сингапуру, Малайзии, Индонезии, обеим Кореям². В любом случае эта проблема становится актуальнее с каждым годом в силу логики развития наступательных и оборонительных воздушно-космических ВВТ и способов их использования.

Можно даже сказать, что будущее того или иного государства в Евразии будет преимущественно обеспечиваться эффективностью национальных воздушно-космических средств нападения и обороны. Наземные, морские и даже традиционные воздушные средства ведения войны будут в возрастающей степени зависеть от воздушно-космического потенциала и систем боевого управления, связи, разведки.

Более того, судя по существующим тенденциям, классические пространства для военных действий — суша, вода, воздух безусловно уступают место интегрированному на основе новейших информационных технологий и концепций ведения войны воздушно-космическому пространству, победа (или поражение), в котором предопределяет политические результаты военных действий. Такая новая роль стратегических вооружений предопределяет и роль ВКО.

¹ Пановкин Д.
Японский «ядерный зонтик» для США // ИА «Росбалт», 18 сентября 2012 г. / <http://rus.ruvr.ru>

² Дисунковский В. Т.
Республика Мьянма (бывшая Бирма) — на распутье выбора военно-политического и социально-экономического развития / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 13 ноября / <http://eurasian-defence.ru>

Мобильная морская РЛС X-Band, используемая в решении задач оповещения о запусках в интересах ПРО США

Геополитически Евразия, таким образом, становится не только единой территорией суши, но и воздушно-космического пространства, где полностью исчезают границы, а суверенитет государства во все большей степени зависит от отношений с соседями по воздушно-космическому пространству. Создается новая геополитическая реальность. Уже не на суше, а в воздухе и космосе.

Соответственно способность эффективной защиты в этом пространстве означает уже не только возможность избежать поражения, но и способность противостоять политическому шантажу и способность сохранить суверенитет и национальную идентичность. В борьбе этносов на пространстве Евразии это имеет решающее значение. Поэтому, говоря о системе безопасности Евразии будущего, геополитических реалиях наций и этносов, можно сказать, что их судьба будет predeterminedена возможностью их национальных, региональных и евразийских систем ВКО.